

П Р О Л О Г

Япония

*Период Гэнроку¹, год второй, месяц пятый
(1690 г.)*

Белый шар солнца, больше похожий на бледную луну, поднимался среди плывущих по небу облаков над возвышенными холмами позади Нагасаки, открытого портового города² на острове Кюсю, самого западного из четырех главных островов Японии. Туман цеплялся за лесистые склоны и окутывал сгрудившиеся у их подножия городские постройки. В храмах на склонах холмов звонили колокола, и эхо летело над величественным особняком губернатора, соломенными домами горожан и поселениями иностранцев.

---

¹ Гэнроку (гэнроку дзидай) — период (1688–1704) в японской истории, характеризующийся расцветом культуры, так называемый японский Ренессанс. Считается периодом «великого мира», когда вся страна была объединена под властью сёгуната Токугавы. В это же время самурайское сословие начинает отмирать в силу отсутствия военных действий.

² В период Эдо сёгунат проводил политику блокировки страны, и Нагасаки стал международным торговым портом.

В гавани соленый летний бриз шевелил паруса японских рыбацких лодок, китайских джонок и бесчисленных судов из далеких, экзотических стран — Аравии, Кореи, Тонкина³. Патрульная баржа скользила по коридору, образованному высокими лесистыми утесами гавани, мимо сторожевых башен к спокойному морю. Рассвет постепенно отодвинул завесу ночи, и на западном горизонте появились силуэты далеких кораблей.

Низкий мучительный стон, разнесшийся над крутой дорогой, ведущей из города, возвестил о приближении торжественной процессии. Первыми в ней двигались высшие сановники Нагасаки — ехавшие верхом самураи в черных церемониальных одеждах и головных уборах, — а за ними шагали пешком четыреста мелких сановников, их помощники, слуги и торговцы. Последним шел небольшой отряд солдат, вооруженных мечами и копьями, охранявший перепуганного пленника.

— Нет, — шептал этот самурай между стонами, которые становились все громче, по мере того как процессия поднималась все выше в горы. У него отобрали мечи и всю одежду, кроме набедренной повязки. Он пытался вырваться, но тяжелые кандалы сковывали его лодыжки, а веревки связывали за спиной запястья. Копья подталкивали его вверх по тропинке.

— Нет, этого не может быть!

Один из чиновников низшего ранга, глядя на него, боролся со страхом и тошнотой. Он ненавидел присутствовать при исполнении смертных приговоров, но его участие в этой казни было обязательным, как и участие всех остальных местных жителей, имевших дело с колонией иностранцев в Нагасаки.

---

³ Тонкин — область в Северном Вьетнаме, в описываемый период термин иногда использовался для обозначения Вьетнама в целом.

Бакуфу, военная диктатура, правившая Японией, — хотела напомнить горожанам, что произойдет с тем, кто нарушит суровые законы страны о борьбе с подрывной деятельностью, предостеречь их от любой лояльности к иностранцам, независимо от того, были ли те в чем-нибудь виновны, или от любого акта нелояльности по отношению к правительству. Здесь, в единственном месте, куда допускались иностранные подданные, честолюбивый человек мог собрать могущественных союзников и поднять восстание против режима Токугавы, и чтобы предотвратить это, бакуфу применял законы более строго, чем где-либо еще в стране, прилагая огромные усилия для выявления и наказания предателей. Даже незначительное нарушение неизбежно приводило человека к смерти.

— Зачем вы это делаете? — взмолился пленник. — Умоляю вас, помилуйте!

Ему никто не ответил. Шествие продолжалось, пока наконец участники процессии не собрались на ровной площадке на вершине холма, откуда открывался вид на город и гавань. Никто не произнес ни слова, но нервный свидетель ощутил эмоции остальных людей, витавшие во влажном воздухе, как злое облако: страх, возбуждение, отвращение. Испуганный и потрясенный, он смотрел, как охрана выводит пленника на середину площадки.

Там ждали четверо угрюмых мускулистых мужчин с коротко остриженными волосами в рваных кимоно. Один из них, с молотком в руке, стоял рядом с недавно возведенной рамой из двух деревянных столбов, соединенных поперечной балкой. Двое других схватили пленника за руки и заставили опуститься на колени рядом с человеком, державшим меч, острый клинок которого сверкнул в утреннем свете. Все четверо были эта — презренными неприкасаемыми, которые служили палачами,

и они готовились отрубить заключенному голову и повесить ее на раму в качестве предупреждения потенциальным преступникам.

— Нет! — закричал пленник. — Прощу вас! — отстранившись от своих мучителей, он обратился с мольбой к собравшимся: — Я не совершал никаких преступлений. Я не сделал ничего плохого!

Испуганному свидетелю очень хотелось зажать уши руками, чтобы заглушить эти крики, и закрыть глаза, чтобы не видеть охваченного паникой самурая, чье мужество покинуло его перед последним позором. Хотелось прогнать ужасное чувство отождествления с осужденным.

Послышался цокот копыт: губернатор Нагасаки выехал вперед.

— Этот пленник, Ёсида Гандзаэмон, виновен в государственной измене, — торжественно объявил он.

— В измене?! — самурай перестал сопротивляться, и его лицо застыло в полном шоке. — Нет, я не изменник! Я хорошо служил сёгуну всю свою жизнь, — он повысил голос, все еще не веря в услышанное. — Я самый усердный командир в портовом патруле! Я всегда вызываюсь добровольцем на дополнительные дежурства. Рискую жизнью в плохую погоду, занимаюсь боевыми искусствами, чтобы однажды принести славу моему господину на поле боя. И я никогда не выступал против сёгуна или его власти! Тот, кто так говорит, лжет!

Но голос губернатора заглушил его стенания:

— Ёсида Гандзаэмон трусливо предал нашего господина, служить которому было его высшим долгом. Он назвал его превосходительство сёгуна Токугаву Цунаёси слабым и глупым дураком.

Нервный свидетель знал, что Ёсида оскорбил сёгуна во время вечеринки в квартале удовольствий, где вокруг него увивались льстивые куртизанки и лилось рекой сакэ, снимая запреты и развязывая языки клиентам. Но в Нагасаки трудилось больше шпионов, чем где бы то ни было в Японии, и все они вставали в охотничью стойку при малейшем нарушении закона. Они подслушали неосторожные слова Гандзаэмона и обрекли его на ту же печальную участь, что и многих других.

— Я не это имел в виду! — запротестовал осужденный. — Я был пьян и не понимал, что говорю. Тысяча извинений! — он попытался поклониться, но двое эта крепко держали его. — Пожалуйста, вы не можете убить меня за одну маленькую ошибку!

Никто не выступил в его защиту, даже жалостливый свидетель, знавший об образцовом послужном списке и характере этого человека. Встать на сторону предателя означало бы разделить его вину и получить такое же наказание.

— За свое предательство Ёсида Гандзаэмон приговаривается к смертной казни! — объявил губернатор и кивнул палачам.

Теперь страх пленника сменился яростью.

— Так вы осуждаете меня за измену?! — крикнул он настороженно молчащим людям, собравшимся на месте казни. — Хотя в Нагасаки есть преступники и похуже меня? — из его горла вырвался резкий и горький смех. — Просто посмотрите вокруг — сами увидите!

Толпа зашевелилась. Ропот пронесся по плато, как беспокойный ветер. Сердобольный свидетель ахнул, услышав это обвинение, потому что Ёсида говорил правду. По несчастливой случайности этот свидетель обнаружил на острове Дэдзима, где размещалась голландская торговая колония, много

запрещенного. Он сам видел тайные встречи и был в курсе незаконных сделок и сговоров между иностранцами и японцами. Хуже того, он подозревал, кто несет главную ответственность за эти преступления. Теперь его кишечник ослабел, и он покачнулся, чувствуя головокружение. Если такой мелкой сошке, как Ёсида, известно о преступлениях, то кто еще знает или рано или поздно узнает о них?

Губернатор поднял руку, останавливая все звуки и движения.

— Продолжайте! — приказал он палачам.

Один из эта схватился за закрученные в узел волосы на затылке Гандзаэмона и дернул их, заставляя голову высоко запрокинуться и удерживая ее неподвижно. Сердце нервного свидетеля бешено заколотилось, а руки и ноги онемели и похолодели от сочувствия ужасной участи приговоренного. Он видел на месте Ёсиды себя, готовившегося умереть не в славной битве и не с честью от собственной руки в ритуальном самоубийстве, как подобает самураю, а в позоре осужденного предателя.

А затем он представил себе человека, которого подозревал в преступлениях на Дэдзуме, стоящего на коленях рядом с палачом, чей меч теперь поднимался по высокой смертоносной дуге. Человека, с судьбой которого была неразрывно связана его собственная судьба. Умрут ли они когда-нибудь вместе вот так? Наказанием за преступление такого масштаба была смерть не только преступника, но и всей его семьи и близких соратников. «Пожалуйста, — в немом ужасе взмолился свидетель, — пусть этого не случится!»

— О да, есть еще более страшные злодеи, чем я, и они, возможно, прямо сейчас творят свои злые, предательские дела! Накажите их вместо меня! — истерический голос Ёсиды эхом разнесся по холмам, но тщетно.

Паника обострила чувства нервного свидетеля. Он услышал, как толпа одновременно вздохнула, и ощутил запах предвкушения, смешанный с соленым морским бризом. А потом под слепым безжалостным взглядом солнца раздался новый крик Гандзаэмона, перекрывший стук сердца свидетеля:

— Нет, пожалуйста, нет, нет, нет!!!

Палач рубанул мечом. Лезвие отсекло голову Ёсиды, подняв мощный алый фонтан крови и навсегда положив конец его протестам и обвинениям.

Но страх свидетеля продолжал жить. Если дела пойдут дальше своим чередом, опасность возрастет. Будет больше насильственных смертей, больше смертельного позора... если только он не остановит преступления до того, как это сделает кто-то другой.

丁
人
人
人
人

По пустынным улицам ночного Эдо шел Сано Исиро, сосакан сёгуна, то есть самый почетный ёрики бакуфу, распутывающий важные криминальные дела. Шторм очистил торговый район Нихонбаси от пешеходов. Дождь хлестал по черепичным крышам, струился с карнизов и балконов, капал с полей плетеной шляпы Сано, пропитывая водой его плащ и хакама. Влажный воздух наполнял его легкие запахами промокших земли и дерева. Рядом с ним шел его главный вассал и помощник Хирата, а за ними — еще десять ёрики из элитного подразделения, возглавляемого сосаканом. Их обутые в сандалии ноги шлепали по узкой грязной дороге. Пренебрегая убежищем и комфортом ради своей миссии, они продвигались вперед сквозь ливень.

— Вот это место, — сказал Исиро, остановившись перед особняком, окруженным высокой каменной стеной. Над воротами висели черные траурные занавеси, а горевшие во дворе фонари отбрасывали в дождливую ночь мерцающие лучи света. Сано и его люди собрались под балконом лавки на дру-

гой стороне улицы, чтобы обдумать стратегию для завершения долгого расследования.

С начала весны Эдо захлестнула волна странных преступлений. Воры утаскивали трупы из домов умерших и с мест несчастных случаев или перехватывали гробы по пути на похороны. Игнорируя сословные различия, они захватывали и мертвых крестьян, и торговцев, и самураев. Всего таких краж случилось девять. Кроме того, на дорогах за пределами города были убиты восемь религиозных паломников — на месте убийства остался лишь брошенный багаж со следами свежей крови, а сами жертвы исчезли. Ни один из трупов впоследствии не был найден. Эти преступления наводили ужас на путешественников и лишали горожан права почитать умерших близких надлежащими погребальными обрядами.

Сано, которому сёгун приказал схватить похитителей тел, расставил своих соглядатаев-синоби по всему городу. Переодетые бродячими торговцами, они слонялись по чайным домам, увеселительным заведениям, игорным притонам и другим местам, часто посещаемым преступниками. Этим утром один синоби подслушал, как некий слуга хвастался, что воры заплатили ему за то, чтобы он помог украсть тело его покойного хозяина во время панихиды. Агент проследил за этим слугой до дома богатого торговца маслом и доложил Исиро о его местонахождении.

— Если воры придут, мы последуем за ними, — напомнил Сано Хирате и остальным помощникам. — Мы должны поймать их вожака и выяснить, что происходит с трупами.

Помощники сосакана окружили дом торговца, а Сано и Хирата спрятались в углублении дверного проема, расположенного напротив задних ворот и отделенного от здания переулком. Они прождали в сырости целый час, вдыхая влажное весеннее

тепло. Улицы по-прежнему оставались тихими и пустынными. Нетерпение Исиро росло.

Сын ронина, он когда-то зарабатывал себе на жизнь преподаванием в академии боевых искусств своего отца, обучая маленьких мальчиков, а в свободное время изучал историю. Семейные связи обеспечили ему должность ёрики в мати бутё. Он раскрыл дело об убийстве, спас жизнь сёгуну и полтора года назад достиг высокого поста сосакана-сама Токугавы Цунаёси. Поймав убийцу, создававшего бундори — военные трофеи из голов своих жертв — и напугавшего столицу серией ужасных преступлений, Сано завоевал еще более горячую благосклонность правителя. С тех пор сосакан раскрыл множество других дел, его доходы и личный штат росли на глазах, и он достиг удовлетворяющего чувства профессионального успеха. Осенью должен был состояться его брак с Рэйко, дочерью богатого и влиятельного судьи Уэды — социально и финансово выгодная для него партия. И все же темная туча омрачала существование Сано.

Он все больше разочаровывался в бакуфу, который оказался насквозь продажной, деспотической диктатурой. По приказу высших чиновников сосакану полагалось следить за самуриями и даймё, критиковавшими политику правительства или иным образом оскорблявшими Токугаву. Доклады Сано, искаженные и приукрашенные, использовались для дискредитации честных людей, которых затем изгоняли из Эдо или понижали в должности. И сам сёгун был не лучше того режима, который возглавлял. Токугава Цунаёси, питавший слабость к религии, искусству и мальчикам, пренебрегал государственными делами. Да к тому же он часто отправлял Сано на бесплодные поиски призраков, волшебных зелий и зарытых сокровищ. Однако сосакану не оставалось иного выбора, кроме как за-

ниматься аморальной или нелепой деятельностью — сёгун требовал от него полной преданности.

И личная жизнь не приносила Исиро утешения. Время и самодисциплина изгнали из его сердца мучительную боль из-за потери Аой, женщины, которую он любил, но забыть ее, стереть из памяти ее лицо, ее голос, ее прикосновения сосакан не мог. Он больше года откладывал свой брак, но останавливал его не столько образ Аой, сколько стремление избежать страданий, неизбежных при новой близости и вполне вероятной новой потере. Поэтому Сано радовался каждому поручению, достойному его усилий и позволявшему снова отложить свадьбу.

Теперь Исиро поднял голову, напрягаясь, чтобы уловить хоть звук.

— Слушай! — шепнул он Хирате.

Из переулка донесся звук быстрых шагов — чьи-то дзори⁴ шлепали по лужам.

— Это паланкин, — выдохнул Хирата. И действительно, из пропитанной сыростью темноты вынырнули носильщики в капюшонах и плащах, тащившие паланкин. Мужчины, числом четверо, оказались самураями с мечами на поясе. Когда паланкин оказался у ворот купеческого дома, створки приоткрылись и двое носильщиков шмыгнули во двор. Вскоре они снова появились на улице с длинным свертком в руках, положили его в паланкин, схватились за рукояти и потрусили прочь.

Подражая собачьему лаю, Сано подал знак своим людям, после чего вместе с Хиратой последовал за паланкином, шныряя по переулкам под непрерывный шум дождя. Вскоре в ночи замелькало еще больше теней — к погоне присоединился весь отряд сосакана. Носильщики петляли по

⁴ Соломенные сандалии (яп.).

извилистому лабиринту улиц Нихонбаси, минуя одну за другой бесчисленные закрытые лавки и шустро перебегая мосты над каналами. Наконец они остановились на краю квартала мастеров изготовления мечей у небольшого крытого соломо́й здания. На фасаде дома висела даже во мраке вполне различимая табличка с круглым гербом и именем Миосин. И Сано догадался о судьбе похищенных трупов.

За затянутыми бумагой окнами горел свет и двигались тени. Носильщики исчезли за воротами вместе со свертком и, похоже, присели к людям, уже находившимся в здании. Сосакан собрал своих помощников возле брошенного паланкина.

— Общитесь окрестности. И задержите всех, кто решит выйти из дома, — велел он. — А я иду внутрь.

Он выхватил меч, но его остановил Хирата.

— Эти похитители тел — опасные убийцы, — настойчиво зашептал молодой человек. — Пожалуйста, оставайтесь здесь, тут вы будете в безопасности, — широкое мальчишеское лицо Хираты под полями касы выглядело напряженным от беспокойства, а серьезный взгляд умолял сосакана. — Дайте справиться нам самим.

С печальной улыбкой на губах Сано направился к двери. В свои двадцать один год Хирата очень серьезно относился к роли вассала и основного защитника сосакана. Он упрямо противостоял решимости своего господина сражаться в одиночку, не подозревая, что тем движет невысказанный страх за подчиненных — мысль, что кто-то из них может погибнуть из-за его, Сано, недосмотра, казалась сосакану непереносимой. Хирата не понимал и того, как важно его господину сражаться со злом в открытом поединке. Кодекс бусидо, «путь воина», учил, что единственная цель саму-

рая — отдать жизнь в служении своему господину. Долг, верность и мужество были высшими добродетелями и составляли основу самурайской чести. Но личная концепция бусидо, которой придерживался Сано, включала в себя четвертый краеугольный камень, столь же важный для его чести, как и другие: стремление к истине и справедливости. Волнующий поиск преступника, сбор доказательств, удовлетворение, когда злодей пойман и наказан, наполняли существование Сано более глубоким смыслом, чем служение ущербному режиму.

— Пошли, — сказал сосакан.

Вместе с Хиратой он прокрался по двору, тихонько открыл входную дверь и заглянул в большую комнату, освещенную висячими фонарями. На стенах висело на подставках множество вложенных в ножны мечей — сверкающих стальных клинков со снятыми рукоятями. Иероглифы, выгравированные на лезвиях, свидетельствовали, что эти клинки испытывали на человеческой плоти на тамэсигири — официальной процедуре испытания мечей. В глубине комнаты, возле раздвижных дверей, выходивших в залитый водой двор, стояли семеро: четверо похитителей тел в промокших плащах с откинутыми капюшонами, двое крепких парней, по виду простолудинов, в хлопчатобумажных набедренных повязках и коротких кимоно и пожилой мужчина в накидке-хаори с гербом и именем Миосин на нижнем кимоно и хакама. На его бледном орлином лице горели глубоко посаженные глаза.

Носильщики развернули лежащий на полу сверток, открыв взглядам труп толстяка, закутанный в белые шелковые погребальные одежды.

— Превосходно! — сказал Миосин, рассматривая тело. — Большое спасибо.

Закон Токугавы разрешал использовать для проверки мечей тела казненных преступников, за исключением убийц, монахов, тех, чью кожу покрывали татуировки, и эта. Поэтому материала для испытаний катастрофически не хватало. Бакуфу продавал доступные трупы мастерам, чьи семьи традиционно занимались тестированием оружия, и тем, кто предлагал за них самую высокую цену. В итоге весь драгоценный товар доставался богачам из кланов Ямада, Токуси и Накагава, а беднякам вроде старого Миосина приходилось проверять оружие на соломенных манекенах. Однако резка человеческой плоти и костей была единственным истинным испытанием качества клинка. Мечи, испытанные иначе, стоили дешевле и вызывали меньше уважения, поэтому кузнецы и самураи Эдо избегали мастеров, которые не могли проверить оружие на самом высоком уровне. И тогда Миосин, не желая смириться с потерей дохода, нанял ронина, чтобы тот добывал трупы путем воровства и убийств.

— Испытаем клинки кузнеца Ибэ,— сказал Миосин парням, которые, вероятно, были его сыновьями.— Я буду выполнять рикурума и кэсса. Самые трудные разрезы: поперек бедер и через плечевой пояс. А вы используете руки и ноги для меньших клинков.

Похитители тел нервно зашевелились.

— Мне кажется, кто-то следил за нами,— сказал один.— Поторопись и заплати, чтобы мы побыстрее убрались отсюда.

Миосин отсыпал говорившему горсть монет. В тот же миг притаившиеся снаружи Сано и Хирата выхватили мечи и ворвались в комнату.

— Служба безопасности Токугавы. Вы все арестованы! — объявил сосакан.

Послышались крики — удивленные, гневные, испуганные, — вылетели из ножен катаны. Хозяин дома и его сыновья схватили мечи со стены. Сознывая, что за кражу и убийство полагается смертная казнь, преступники двинулись на Сано и его помощника с обнаженными клинками и напряженными от отчаяния лицами.

— Дом окружен, — сообщил им сосакан. — Бросайте оружие и сдавайтесь.

Миосин рассмеялся.

— Когда быки полетят, а змеи заговорят! Вы не казните меня за то, что я пытался заработать себе на рис! — рявкнул он и бросился на Сано и Хирату. Его примеру последовали и остальные преступники. Ожидавшие снаружи самураи из отряда сосакана ворвались в комнату. Завязалась настоящая схватка.

Сано сражался с Миосином, и клинок испытателя меча кружился в воздухе, подобно вихрю. Постепенно мастер вытеснил сосакана назад, во двор, разделенный на две неравные части песчаной насыпью, из которой торчали бамбуковые колья — к ним привязывали тела для испытания мечей. Сано оказался по одну стороны насыпи, а Миосин — по другую, что позволяло мастеру раз за разом ловко уворачиваться от смертоносных ударов сосакана. В какой-то момент Сано споткнулся о груды обугленных костей, но, сумев перескочить через каменную печь, где Миосин, очевидно, уничтожал остатки своих нечестно добытых трупов, оказался лицом к лицу с создателем мечей. И они сцепились под проливным дождем в отчаянной схватке. Миосин отстаивал право на жизнь и свободу — но и Сано в каком-то смысле тоже.

Теперь для сосакана не имели значения условности и правила, которым ему надлежало следовать из лояльности

к своему господину и режиму. Сано забыл о сёгуне, забыл об Аой и о собственном добровольном одиночестве. Он в последний раз тревожно подумал о своих людях, которые умело сражались с похитителями тел и с сыновьями Миосина, но даже их крики и движения вскоре исчезли из его сознания. Все, что теперь имело значение, — это победа над преступником.

Азарт схватки, как это случалось почти всегда, обострил восприятие Сано. Он быстро понял, что сила Миосина заключалась в обманных движениях. Мастер опустил меч, похоже намереваясь рассечь противнику живот, но затем его клинок внезапно изменил направление, и Исиро едва успел парировать диагональный удар, направленный ему в грудь. Контрудар сосакана полоснул Миосина по бедру — мастер задохнулся от боли, но рука его не дрогнула. И тогда Сано пошел на риск — хотя когда-то учил своих учеников избегать этого.

Когда противник обеими руками поднял катану для смертельного вертикального удара, сосакан решил, что это очередная уловка. Сопrotивляясь инстинктивному желанию вскинуть клинок, прикрывая плечи и грудь, он опустил оружие и взмахнул им снизу вверх.

Лезвие полоснуло Миосина наискосок по животу, и создатель мечей взвыл от ужаса и боли. Предсмертная судорога прошла по всему его телу, руки разжались, и хитроумный перекрестный удар так и остался незавершенным. Свет в глазах Миосина погас еще до того, как он упал на землю.

Сано отступил назад. Он увидел, что помощники, все живые и невредимые, спешат ему на помощь. Остальные преступники лежали мертвыми в доме. Выпустив напряжение из тела серией глубоких вдохов, Исиро позволил дождю смыть